

LA 466
304

466
304

Р 1-76
1853

РѢШЕНІЕ ВОПРОСА:

По причинѣ безпрестаннаго умноженія массы Историческихъ свѣдѣній и распространенія объема Истории, не оказывающа ли нужнымъ измѣнить обыкновенный способъ преподаванія сей науки, и какой онъ долженъ быть именно, какъ вообще, такъ и особенно въ Университетахъ?

РАЗСУЖДЕНІЕ,

Написанное Кандидатомъ Владиміромъ Цыжомъ, для полученія степени Магистра по части Историческихъ наукъ.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи, 1853 года.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Всѣ предметы, какъ подлежащіе чувствамъ человека, такъ и тѣ, существованіе коихъ долженъ необходимо допустить нашъ разумъ, составляютъ Вселенную. Принадлежности существованія сихъ предметовъ, постоянно ими обнаруживаемыя, (свойства вещей) жизнь ихъ и измѣненія, взаимныя отношенія, взаимныя другъ на друга дѣйствія — составляютъ матеріалы знанія, объективно познавательной способности вообще. Для разума, неограничиваемаго слабостію и несовершенствомъ ума человеческого, знаніе сіе было бы также полно, цѣло, нераздѣльно, совершенно, такое же гармоническое, какъ и великая, естли смѣю такъ выразиться, драма жизни всемірной. — Умъ человеческій, принужденный, по своей слабости, прибѣгнуть къ систематизму и

экллектизму, дѣлитъ массу доступныхъ для него знаній на отрасли, смотря по роду предметовъ, доставляющихъ матеріалы для его познавательной способности, и по свойству самихъ сихъ матеріаловъ, безотносительно къ предметамъ, ихъ доставляющимъ; ищетъ, на основаніи какой нибудь идеи, во всякой изъ оныхъ отраслей ближайшаго сродства между фактами, ее составляющими, и такимъ образомъ водворяетъ въ ней порядокъ и систему; отвергаетъ то, что относительно или его самого, какъ звена занимающаго извѣстное мѣсто въ общей цѣпи существъ, или условій, налагаемыхъ на него гражданскою жизнью и личныхъ его выгодъ, кажется ему маловажнымъ; спарается собственною своею дѣятельностію, силами представительной и изслѣдовательской способностей, создать знанія, кои недоступны для познавательной, или тѣ, къ приобрѣтенію коихъ лишаетъ средствъ его случайное развитіе обстоятельствъ и отношеній. — Систематизирующий такимъ образомъ массу ученыхъ матеріаловъ умъ че-

ловѣческой, проходя цѣпь предметовъ, составляющихъ хранилище его знаній, основанная на чловѣкѣ; угадалъ двойственность его природы; оцѣнилъ жизнь и развитіе нравственной оной жизни физической; привелъ въ систему факты первой, и родилась Исторія.

Исторія, сохраняя свойства знанія всеобщаго, безотносительнаго, коего часть она составляетъ, есть наука, изображающая теченіе нравственной жизни рода чловѣческаго, какъ индивидуально, такъ и по народамъ, и относительно всего чловѣчества. Предметъ ея — чловѣкъ, 'покольку оный является въ дѣйствіяхъ своихъ какъ существо, одаренное разумомъ. Она охватываетъ нравственную жизнь всѣхъ народовъ и всѣ проявленія оной, не прибѣгая къ выбору, и не основывая его на относительной важности ни тѣхъ ни другихъ. Предоставляя другимъ наукамъ изслѣдованіе свойствъ духовной природы чловѣка, она присвоиваетъ себѣ ея дѣйствія. Это Исторія въ идеаль. Она можетъ существовать для разума **выше**

человѣческаго: для человѣка она несуществуетъ. Судѣлавшись достояніемъ его, она утратила всю полноту, всё совершенства своего идеала: объёмъ ея ограниченъ, права нарушены другими науками. Слѣдующія причины, дѣлая идеальную Исторію невозможною для человѣка, указываютъ какъ бы главныя точки для описанія круга Исторіи доступной для ума человѣческаго:

1.) *Недостатокъ матеріаловъ для составленія идеальной Исторіи.* — Вообще масса Историческихъ фактовъ, извѣстныхъ намъ, совершенно ничтожна въ сравненіи съ тѣмъ, сколько нужно для составленія полной Исторіи рода человѣческаго, — недостаточна, есть ли даже разсмапривать сію науку съ точки зрѣнія не столь высокой, естли даже ограничить идеальный объёмъ ея. Множество народовъ исчезли съ лица земли, не оставивъ, кромѣ имени, никакого слѣда своего существованія; о другихъ сохранились только темныя преданія, или опрывочныя свѣдѣнія, изъ коихъ нельзя составить ничего цѣлаго систематическаго.

Самая Исторія народовъ болѣе извѣстныхъ дошла до насъ въ видѣ искаженномъ, испорченномъ: изъ такого-то періода ея мы не имѣемъ никакихъ почини фактовъ, другой являеися въ оболочкѣ народной Поэзіи. Вообще нѣтъ ни одного народа, коего Исторія для пополненія и объясненія своего не требовала бы изслѣдованій и гипотезъ, часто слишкомъ гадательныхъ. Особенно недоспапочны наши Историческія свѣдѣнія о народахъ древняго міра. Я неговорю уже о расселеніи рода человѣческаго и постепенномъ образованіи той системы жилищъ народовъ, кошую мы встрѣчаемъ въ первой разъ въ Исторіи: это должно было остаться неизвѣстнымъ, по неизбѣжному недоспадку Историческихъ извѣстій о періодѣ всеобщаго младенчества рода человѣческаго, не ознакомившагося еще ни сколько съ искусствами, не имѣвшаго еще понятія о средствахъ упрочивать дѣянія свои въ памяти потомства. Сколько есть важнѣйшихъ вопросовъ касательно позднѣйшаго періода Исторіи, коихъ не могутъ рѣшить

удовлетворительно никакія изслѣдованія! Какъ возникло просвѣщеніе въ Индіи и Египтѣ, какъ образовался религіозно — политическій бытъ сихъ знаменитыхъ народовъ; съ какими другими народами древности находились они въ сношеніяхъ? Что мы знаемъ объ интересномъ народѣ Эфіопійскомъ, о Царствахъ Мерое и Аксумъ, о системѣ Герархическихъ Государствъ, которую вѣроятно, или, лучше сказать, болѣе, нежели вѣроятно, соспавляли различныя племена сего народа? Много ли извѣстно намъ объ оригинальномъ народѣ Эпрусскомъ, о его бытѣ религіозномъ и гражданскомъ, объ удивительной системѣ предсказыванія будущаго? Народы, жившіе искони въ Малой Азіи, конечно не столь знамениты; но Исторія ихъ также важна относительно, а она для насъ почти совершенно не существуетъ. О Грекахъ и Римлянахъ знаемъ мы несравненно болѣе, нежели о всѣхъ другихъ народахъ древности; но первоначальная Исторія ихъ шемна, недоснашочна, тѣсно соединена съ вымыслами народнои Поэзіи

и религіозными мифами; стараются объяснить ее изслѣдованіями, но гипотезы изслѣдователей не могутъ замѣнить чисто Историческихъ фактовъ. — Исторія среднихъ вѣковъ извѣстна намъ гораздо болѣе древней; по крайней мѣрѣ мы имѣемъ довольно матеріаловъ для составленія систематической, подробной Исторіи происшествій Европейскихъ народовъ, и что еще важнѣе, для изображенія перваго періода развитія гражданскаго и умственнаго образованія оныхъ. — Но можно ли тоже самое сказать о современныхъ народахъ Азіатскихъ? Откуда, на примѣръ, почерпнуть свѣдѣнія для того что бы обработать критически Исторію большого Калифа и другихъ Царствъ знаменитаго народа Аравійскаго, представить полную картину его расселенія, торговли, сношеній съ другими народами? Скажутъ: въ архивахъ Арабской Литературы,—едвали. — Новая Исторія еще богаче, полнѣе свѣдѣніями, нежели Средняя, и это, если не ошибаюсь, равно относится къ народамъ другихъ частей свѣта. Но и здѣсь

Историкъ — Критикъ не можетъ сказать: *nil amplius desidero*. Сколько есть такого, что осталось навсегда тайною для людей частныхъ; сколько есть важнѣйшихъ происшествій, коихъ истинная причина облечена непроницаемостію кабинетной дипломатики; сколько характеровъ должны остаться изображенными невполнѣ, по той же самой причинѣ!

2.) *Относительная слабость умственныхъ способностей человека и ограниченность круга его дѣятельности и отношеній.* Слабость сія обнаруживается и въ собираніи Историческихъ матеріаловъ, и въ обработываніи оныхъ, и въ изученіи. Слѣдовать за всякимъ Историческимъ движеніемъ человека, извѣстнаго числа людей и наконецъ цѣлаго народа; искать всему причины въ тайныхъ побужденіяхъ правдивенности человеческой; приводить безпрерывно частное къ общему; замѣчать въ то же время общій ходъ жизни рода человеческого — невозможно. Какъ ограниченны силы человѣческія сравнительно съ огромностію массы

ученыхъ матеріаловъ; сколько требуетъ труда подробное изложеніе одного какого нибудь важнаго происшествія, даже при совершенной извѣстности фактовъ, къ оному относящихся! Надобно развить истинную причину оного изъ предшесствующихъ событий; угадать внутреннюю связь между его подробностями; сообщить имъ единство, приведеніемъ къ одной общей Идеи; — надобно постигнуть характеръ и, такъ сказать, истинное значеніе цѣлаго происшествія и отношенія его къ предшесствующимъ и послѣдующимъ звенамъ общей цѣли событий: часно такому занятію посвящается большая часть жизни даже гениальнаго человѣка. Можно навѣрно полагать, что еслили бы и не было никакого препятствія, со стороны недоснатка матеріаловъ, къ составленію полной Исторіи рода человѣческаго, по идеалу ся, много представленному; но и тогда бы весь классъ ученыхъ людей, посвятивъ себя исключительно сей наукѣ, не успѣвалъ обрабатывать безпрестанно накаплиющихся фактовъ, и цѣлая столѣтняя потребности бы

были для начертанія по сей идеи Истории предшесствующей. Но если бы цѣль сія и была достигнута, если бы сей колоссальный трудъ и былъ оконченъ, кто бы могъ вполне воспользоваться онымъ? Достаточно ли для сего память человѣческая, достаточно ли время жизни нашей?

3.) *Понятія челоѣка о важности сціентифическихъ предметовъ, какъ безотносительно, такъ и относительно къ личнымъ его пользамъ и выгодамъ.* Я сказалъ выше, что умъ челоѣческій руководствуется въ созиданіи систематическаго круга своей учености эклектизмомъ. Это относится какъ къ другимъ наукамъ, такъ и особенно къ Истории. Челоѣку какъ-то невѣрился, чтобы всякое внѣшнее проявленіе правдивенной его жизни имѣло какую нибудь важность и заслуживало его вниманіе. Онъ скучаетъ обыкновенными происшествіями, и выбираетъ изъ нихъ только разительныя, сильно возбуждающія его любопытство; цѣнитъ только кажущіяся ему важными, по его отношеніямъ, назидательными для его

нравственности, или наконецъ такія, знаніе
коихъ можетъ принести ему какую нибудь
вещественную пользу. Составляя всеобщую
Исторію рода человѣческаго, онъ, во вся-
комъ изъ глазныхъ ея періодовъ, обращаетъ
вниманіе только на ту массу народовъ, въ
жизни которыхъ нравственныя силы человѣче-
ства обнаруживаются въ высшей степени;
съ происшествіями сихъ однихъ народовъ
соединяетъ интересъ всемірно — Истори-
ческій: другихъ современныхъ касается слег-
ка, или вовсе преходитъ молчаніемъ. Чело-
вѣкъ конечно угадываетъ существованіе
гармоніи, связующей между собою какъ всѣ
народы, такъ и дѣянія ихъ; знаетъ, что въ
сферѣ дѣйствій его все имѣетъ свое значе-
ніе и цѣль; что въ бытіи человѣческомъ
нѣтъ ничего безусловно важнаго, и дѣянія
народовъ образованныхъ имѣютъ только
цѣнность въ сравненіи съ происшествіями
дикарей; но онъ слѣдуетъ во всемъ влеченію
своихъ понятій, и измѣряетъ все своими си-
лами.

На основаніи всего вышесказаннаго, Исторія есть знаніе неопредѣленное, неполное, несовершенное и, такъ сказать, отрывочное. Опредѣлить ее рѣзкою чертою отъ другихъ сродныхъ съ нею наукъ, и дать ей опредѣленный объемъ и единство по одной общей идеи — почти невозможно. Неопредѣленность сія усматривается изъ различныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ смотрѣли въ разныя времена на сію науку и идеи, по коимъ занимались ея обработываніемъ. Въ продолженіи 25 столѣній, съ того времени какъ сдѣлалось извѣстнымъ имя Исторіи, сія важная наука измѣняла нѣсколько разъ свой характеръ, свое общее направленіе, свой объемъ, — нѣсколько разъ дѣлалась почти другою наукою, удерживая одно и то же имя. Но сей-же самой причинѣ такъ различны, такъ неудовлетворительны и самыя опредѣленія Исторіи: по крайней мѣрѣ я не знаю ни одного, которое бы обнимало все вѣтви сей науки и давало точное понятіе объ объемѣ ея. Не придерживаясь опредѣленій другихъ, осмѣливаюсь предсказать свое